

of the International Conference, 21st–26th. April 2008, Krakow / E. Papuci-Władyka, M. Vickers, Ja. Bodzek, D. Braund (eds.). Oxford, 203–209.

43. *Krapivina V.V., Schultze E.* 2011: Grey Ware in Olbia and in the Settlements of the Chernyakhov Culture in the Lower Bug Region. Current State of Research and Possibilities for Further Investigations // Drehscheibentöpferei im Barbaricum. Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums // Bonner Beiträge. 13. / Ja. Bemann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder (eds.). Bonn, 417–428.

THE PERIOD OF LATE ANTIQUITY IN THE HISTORY OF OLBIA PONTICA

V.V. Krapivina

The final period in the history of Olbia Pontica is the last quarter of the 3rd – 4th century AD. After the Gothic invasion in 269–270 life in the city did not resume until the mid 280s. It is important to specify the character of this period, not only in order to understand the reasons why active life stopped in Olbia, but also to point out the characteristic features of the development of the South Bug area in the 3rd and 4th centuries AD. It has to be stated that Olbia ceased to be the centre of a large agricultural area. Its chora is within 5 to 10 km radius from the city, the rest of the surrounding territory being occupied by settlements of the Chernyakhov culture. However, as the research in the area shows, traditional agriculture remained the basis of Olbia's economy. Architecture and building techniques as well as the rest of material culture continued the ancient traditions. This period of the life of the city is therefore to be characterized as late antiquity not post-antiquity. The character of interaction between the barbarian and late antiquity cultures is to be studied in more detail.

Keywords: Olbia Pontica, barbarians, Chernyakhov culture, Roman Empire, late antiquity, late 3rd – 4th century AD.

© 2013 г.

С. Д. Крыжицкий

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ НАПЛАСТОВАНИЙ ОЛЬВИИ

Статья посвящена проблемам интерпретации находок из открытых и закрытых археологических комплексов.

Ключевые слова: археологический комплекс, методика, Ольвия, подвал, яма, интерпретация заполнения.

Раскопки жилых кварталов Ольвии, в ходе которых исследователь сталкивается, как правило, с весьма непростой стратиграфией, осложняемой множеством ям, позволили обратить внимание на две проблемы, связанные с интерпретацией получаемых артефактов из археологических комплексов, анализу которых, как представляется, не всегда уделяется достаточно внимания. Первая из

Крыжицкий Сергей Дмитриевич – доктор архитектуры, член-корреспондент НАН Украины, заведующий отделом античной археологии Института археологии НАН Украины.

них заключается в недооценке значения находок из так называемых «открытых» комплексов и, как следствие, недостаточной разработанности методики работы с ними и их интерпретации. Вторая, тесно связанная с первой, состоит в возможности, по нашему мнению, иной функциональной интерпретации так называемых «хозяйственных» или «мусорных» ям. Представляется целесообразным обратиться на это внимание коллег в порядке постановки вопроса¹.

В связи с затронутой темой предварительно уточним соотношение и относительность понятий «закрытый» и «открытый» археологический комплекс. По существующим определениям этих терминов² «закрытый» комплекс предполагает относительно одномоментное³ попадание в ограниченное пространство (например, яму) предметов, образующих комплекс (вне зависимости от времени их возникновения), и отсутствие позднейших вторжений в это пространство. Время образования комплекса определяется наиболее поздними вещами. Идеальные примеры таких комплексов – монетный клад, погребение. Но это может быть и содержимое ямы, заполнение которой происходило на небольшом археологически не улавливаемом⁴ отрезке времени, а последующая изоляция надежно определяется стратиграфически. К такому комплексу может относиться также и заполнение подвала, который после прекращения своего функционирования засыпается до уровня пола наземного помещения, построенного над ним, поскольку трудно себе представить, чтобы образование такого заполнения в ходе перестройки дома могло значительно растягиваться во времени.

«Открытый» комплекс предполагает его разновременное формирование (результат ряда действий, ряда моментов). Отсюда следует, что «открытый» комплекс по сути является тоже «закрытым», но формирование его растянуто в археологически улавливаемом времени, верхняя граница которого определяется наиболее поздним вторжением, а нижняя – датировкой наиболее поздних вещей из заполнения и подстилающего культурного слоя⁵. Назовем такой комплекс «условно закрытым». Таким образом, действительно открытым комплексом может считаться только тот, верхняя граница образования которого вообще не имеет четко установленного предела. Например, сопровождающий материал из слоя, находящегося выше надежно датированных культурных напластований и строительных остатков данного объекта.

Хронологические особенности образования условно закрытых и тем более открытых комплексов ольвийского городища определяются двумя обстоятельствами. Это, во-первых, отсутствие каких-либо следов оседлой жизни позднее 70-х годов IV в. н.э. и, во-вторых, изменение территории города в первые века нашей эры, когда жизнь сосредоточилась только в его южной трети⁶. Последнее обусловило то, что активное разрушение построек в северной части городища началось по крайней мере на два (если не на четыре)⁷ века раньше, чем в южной.

¹ Кратко основные положения настоящей статьи были опубликованы в Боспорских чтениях (Крыжицкий, Лейпунская 2009).

² Колпаков, Бочкарев, Васкул и др. 1990, 47–48; Гаврилюк, Котова, Махортих та ін. 1996, 128; Крапивина 2011, 86–87).

³ В данном случае под «одномоментностью» мы понимаем образование заполнения того или иного помещения или ямы в короткие археологически не улавливаемые сроки.

⁴ В рамках, например, точности или широты датировок.

⁵ Подробнее см. Крапивина 2011, 87–88.

⁶ Крапивина 1993, рис. 3.

⁷ Как известно, первые производственно-хозяйственные комплексы на остатках эллинистических построек в северной части города появляются уже в I в. н.э. (Крапивина 1993, рис. 3, 1).

С другой стороны, в северной части города прослеживаются вторжения первых веков нашей эры, которые здесь, как правило, не углублялись ниже уровня дневной поверхности эллинистического времени, что обусловило относительно хорошую сохранность строительных остатков догетской Ольвии. В южной же части городища в районе римской цитадели вторжениями римского времени предшествующим культурным слоям был нанесен намного более значительный ущерб.

В результате этого еще в первые века нашей эры значительная часть закрытых и особенно условно закрытых комплексов эллинистического времени была нарушена, а параллельно с этим появились новые комплексы разных сроков образования. В общем случае это дает основания рассматривать комплексы, располагающиеся ниже дневной поверхности незастроенной в римское время территории Ольвии, как условно закрытые, начиная от конца первого века до нашей эры – времени начала восстановления жизни в Ольвии после гетского нашествия. Абсолютное большинство находок происходит именно из этих комплексов.

При анализе полученных находок для характеристики того или иного помещения или дома в целом обычно преследуются две основные цели – определение времени существования помещения и выяснение его функционального назначения. Как правило, вопросы о том, из каких составляющих, почему и каким образом формируется заполнение прекратившего свое существование помещения, откуда в нем появились археологические находки, не ставятся. Между тем если попытаться на них ответить, то проблемы не возникают только в том случае, если речь идет о закрытых комплексах, в том числе о материалах, найденных *in situ*, т.е. однозначно связанных с данным помещением накануне его гибели и людьми проживавшими здесь. Однако когда такая прямая связь отсутствует, находки, происходящие из засыпи помещения или из культурных наслоений, окружающих объект, т.е. из условно закрытых комплексов, не воспринимаются, как принадлежащие именно этому дому. Иначе говоря, кроме общих рассуждений по поводу наиболее интересных вещей, обычно не делается попыток увязать находки в массе (не только керамику, терракоты, граффити и т.п., но в том числе и горелые слои, кости, строительный мусор и т.д.) конкретно с жизнью данной семьи.

Заполнение переставших функционировать помещений жилых домов Ольвии состоит из перемежающихся в основном желтоглинистых и сероглинистых слоев неравномерной толщины, часто мусорных (о понятии «мусорный» см. ниже), с включением горелых прослоек, золы, фрагментов печины, керамического боя, в том числе черепицы, различных предметов быта, костей животных и рыб. Чистое глинистое или песчаное заполнение в абсолютном большинстве случаев отсутствует, что говорит о том, что для этого не использовались глина или песок, добытые за пределами городских стен, из чистых слоев грунта. Возникает вопрос, почему этого не делалось. Вряд ли это можно объяснить желанием избежать дополнительных трудозатрат. С другой стороны, трудно предположить, что для повышения уровня пола наземного помещения или засыпи подвала мог использоваться мусорный слой с улиц, свалок или пустырей. Исходя из всего сказанного, логично заключить, что подобные заполнения формировались из отходов, образывавшихся в самом доме, где в результате обычной жизнедеятельности и перестроек появлялось значительное количество строительных и бытовых отходов (камни разных размеров и обработки, остатки полов, подов печей, обмазок стен, керамический бой, печина и т.п.). Как представляется, сохранение в домовладении отслуживших свой срок предметов вполне укладывается в античную бытовую, культурную и культовую традицию и находит косвенное подтверждение в заполнении ботросов теменосов.

В связи с этим отметим, что значительную долю в заполнении ботросов составляют обычные бытовые предметы, но использовавшиеся в культовых церемониях⁸.

Таким образом, у нас есть основания для вывода о том, что артефакты из заполнения подвалов и наземных помещений жилых домов, в том числе в открытых и условно закрытых комплексах, связаны именно с конкретным домовладением и, следовательно, могут характеризовать как датировку его отдельных частей, так и некоторые их функции на разных этапах жизни семьи. Отсюда появляется возможность увязать эти, якобы случайные, находки именно с домом, в котором они найдены. При этом приоритет здесь имеет качественная, а не количественная сторона, поскольку большинство твердых отходов, в частности керамический бой, использовались для мощения улиц, а также выносились на свалки за пределами городских стен. Так, например, если в засыпи помещений одного и того же дома обнаружены фрагменты милетских, фасосских и гераклейских амфор, это может свидетельствовать о том, что владельцы именно этого дома в архаическое время приобретали товары Милета, в классическое и эллинистическое – Фасоса и Гераклеи Понтийской. То же касается орудий труда (грузил ткацких или рыболовных), предметов быта (в частности парадной столовой посуды), культа и т.д. Еще раз подчеркнем: это характеризует не данное помещение, из засыпи которого происходят эти предметы, а другое (или другие), но находившееся именно в этом доме. Находки в таком случае, хотя и происходят из неизвестного нам конкретного крытого помещения, двора или какой-то другой части дома, позволяют получить некоторое обобщенное ретроспективное представление об отдельных сторонах жизни семьи владельцев того или иного дома, их быта, степени зажиточности, причем на протяжении определенного хронологического отрезка, верхнюю и нижнюю границы которого дает датировка материалов из заполнения. Изложенное определяет целесообразность более детального анализа материалов из открытых и тем более условно закрытых комплексов.

Что касается определения датировки того или иного помещения и дома в целом, исходя из анализа материалов из условно закрытых комплексов, в частности заполнения помещений, то здесь необходимо учитывать определенные обстоятельства. Датировка материалов комплекса может совершенно не соотноситься с датировкой строительства самого помещения, поскольку засыпь (за исключением строительных остатков, если разрушались стены самого помещения), во-первых, по определению не могла происходить из этого же помещения, ее брали из других частей дома. А во-вторых, она могла происходить из значительно более раннего культурного слоя. Если же засыпь происходила из слоя, синхронного времени строительства или более позднего, то это позволяет установить только возможную верхнюю границу функционирования данного помещения. В связи с этим при анализе материалов из засыпи помещений представляется необходимым предусматривать такую операцию, как определение возможной степени хронологического соответствия материалов из заполнения времени строительства и засыпи, опираясь при этом на данные стратиграфии и конструктивные особенности (в частности последовательность сооружения тех или иных элементов) архитектурно-строительных остатков.

Довольно наглядный пример этому представляют собой подвалы № 1, 2 дома А-10 в Ольвии⁹. Эти подвалы, исходя из сопровождающего материала из засыпи

⁸ Русяева, Назарчук 2006, 67 сл.

⁹ Славин 1962, 11 сл., рис. 7–9; Крыжицкий 1971, рис. 23.

и высокого качества каменных кладок стен, были продатированы V–IV вв. до н.э. Этому, однако, противоречат как конструктивные особенности, так и стратиграфические наблюдения. Так, в частности, уровень дневной поверхности эллинистического времени, фиксируемый расположенной неподалеку от восточной стены подвала № 2 вымосткой внутреннего двора дома, практически совпадает с подошвой наземной эллинистической кладки, находящейся непосредственно на восточной стене подвала на 0,25 м выше верха балочных гнезд. То есть уровень пола наземного помещения над подвалом явно увязан с дневным уровнем эллинистического, а не классического времени. Уровень классического времени, судя по глубине заложения полигональной орфостатной кладки V–IV вв. до н.э., расположенной под юго-западным углом соседнего дома А-3, был ниже эллинистического не менее, чем на 0,5–0,7 м.

Сказанное дает основания предполагать, что строительство подвала № 2 произошло в эллинистическое время вопреки датировке заполнения V–IV вв. до н.э. и высокому качеству выполнения строительных работ. Последнее, как известно, обычно связывается с этапом классики, но встречается, разумеется, и позднее.

Представляют интерес также и количественные характеристики – соотношения находок различных категорий материалов, происходящих из открытых и условно-закрытых комплексов. Здесь важны процентные соотношения различных категорий материалов не столько внутри одной и той же выборки (в частности из заполнения того или иного конкретного помещения), сколько между выборками из заполнений разных помещений, особенно синхронных. Так, например, если в одной выборке процент кухонной керамики существенно выше, чем в другой, это дает основания считать, что в первом случае превалировала, скорее всего, кухонная функция. Это находит подтверждение, в частности, в совпадении результатов анализа массового материала из заполнений хозяйственных помещений на участке НГС в Ольвии с наблюдениями, сделанными на основании всей совокупности археологических данных¹⁰.

Как отмечалось выше, при этом следует учитывать, что сделанные выводы по поводу условно закрытых комплексов будут относиться (в отличие от закрытых) к другим помещениям, конкретное местоположение которых в доме при отсутствии прямых строительных или стратиграфических данных установить затруднительно.

Сравнение между выборками из разных помещений может помочь при учете количественных соотношений не только целых или археологически целых сосудов, но и их фрагментов. Естественно, полученное в результате представление об этих соотношениях в определенной степени условно, но на уровне больших чисел, которые формируются при статистической обработке всего вещественного материала из раскопок определенного участка, квартала и даже дома, оно заслуживает внимания, поскольку позволяет определить специфические особенности исследуемого объекта. Эффективность такого подхода была убедительно показана К.К. Марченко при анализе комплекса кружальной кухонной и лепной посуды из жилых районов и территорий с общественными постройками Ольвии¹¹.

Таким образом, в силу отмеченной выше специфики формирования заполнений помещений ольвийских домов в большинстве случаев основным, а часто практически единственным источником, позволяющим судить о датировке и осо-

¹⁰ Гаврилюк 2006, 56 сл., табл. 1–3.

¹¹ Марченко 1988, 46 сл.

бенностях жизнедеятельности жителей домов, являются материалы из условно закрытых комплексов, наиболее поздняя дата формирования которых определяется позднейшим вторжением. Разработка методических подходов к их интерпретации, в частности проведения ретроспективного анализа, позволит дополнить хронологические, исторические и культурные характеристики жизни населения античного города.

С изложенным выше тесно связана вторая проблема, касающаяся, как уже отмечалось, определения конкретной функции «хозяйственных» или «мусорных» ям.

Как известно, многочисленные ямы¹² различного назначения – от ботросов на теменосах до мусорных ям в жилых домах и на свалках за городскими стенами – сопровождали жизнь ольвиополитов на всем ее протяжении. Четкой типологии, связанной с той или иной функцией ям, не прослеживается и назначение определяется исходя из заполнения или конструктивных особенностей. Например, о функции погребов могут свидетельствовать вкопанные в дно ямы амфоры, определенная конструкция¹³; о складской функции – наличие значительного числа амфор; следы обмазки или обжига стенок – о хранении зерна; остатки обмазки из зеленой водонепроницаемой глины – о хранении воды, т.е. в качестве цистерн и т.п.¹⁴ Не вызывает особых вопросов и предполагаемое определение ям для посадки деревьев, как это убедительно показал для ольвийского Восточного теменоса Ольвии А.Н. Карасёв¹⁵. Прослеживаются такие ямы для посадки деревьев и на поселениях сельской округи Ольвии¹⁶.

Однако абсолютное большинство ольвийских ям не имеют каких-либо признаков, позволяющих более или менее надежно определить их функциональное назначение, и называются они обычно «хозяйственными» или «мусорными». Причем четкие критерии различия между ними отсутствуют и, определяя функциональное назначение такой ямы, археолог действует в большинстве случаев интуитивно. В связи с этим отметим также, что «мусорными» являлись во вторичном использовании и те ямы, которые первоначально имели другое назначение. Например, яма с обожженными стенками и остатками от первичного заполнения – зерна – в дальнейшем заполнялась «мусором».

Не все понятно и с «мусором». В общем случае мусором можно назвать, например, строительные отходы. Но, как правило, им сопутствует то, что можно отнести к хозяйству – битая керамика, ткацкие грузила, горелые слои, печина, кости животных и рыб и т.п. Так что провести четкое разделение между «хозяйственными» (если речь не идет о погребов, складе или зернохранилище, т.е. о хозяйственном использовании этих структур) и «мусорными» ямами трудно.

В связи с этим отметим, что обычные «хозяйственные» или «мусорные» ямы имеют земляные стенки без каких-либо обмазок, различную форму в вертикаль-

¹² Например, по данным Н.А. Лейпунской только в Центральном квартале возле агоры было раскопано 66 ям (архив Н.А. Лейпунской). Если учесть, что под рядом эллинистических строительных остатков раскопки до материка не проводились, есть основание увеличить эту цифру примерно в полтора раза. Большое количество ям открыто и на ольвийской периферии, где только на поселении Козырка 9 было раскопано около 250 ям (Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 53).

¹³ Крапивина 2002а, 142–145.

¹⁴ Крыжицкий и др. 1989, 54; Леви 1964, 16 сл.

¹⁵ Карасёв 1964, 33–34.

¹⁶ Крыжицкий и др. 1989, 54.

ном сечении и круглую или приближающуюся к кругу в горизонтальном. Располагаются под полами в любом месте помещения, как наземного, так и подвального. Каменные обклады устья не прослеживаются. Размеры различны.

Учитывая сказанное, возникает два вопроса: какова длительность функционирования «хозяйственных» или «мусорных» ям (регламент их существования), относятся они к закрытым или условно закрытым комплексам и как может интерпретироваться содержание тех и других. Еще раз подчеркнем, что четкие функциональные различия между ними не установлены.

По поводу длительности функционирования ям следует сказать, что, несмотря на обычно большой хронологический диапазон находок из одной и той же ямы (столетие и больше), вряд ли есть достаточные основания предполагать, что время функционирования такой ямы соответствовало этому промежутку времени. Более или менее длительное функционирование ямы с земляными стенками возможно только при перекрытии ее деревянным щитом – люком в деревянном полу. Однако за всю историю раскопок Ольвии остатки деревянных полов *in situ* в наземных помещениях без подвалов и собственно в подвалах, за одним исключением¹⁷, обнаружены не были. Деревянные полы по балкам (или полочкам) устраивались, по-видимому, только над подвалами и первыми этажами при наличии вторых. Гнезда в каменных стенах домов от таких балок неоднократно встречаются в Ольвии¹⁸.

Сказанное выше, как представляется, свидетельствует в пользу краткосрочности или вообще об одномоментности функционирования этих ям, заполнение которых представляло собой закрытые или в крайнем случае условно закрытые комплексы.

В завершение – о проблеме интерпретации «мусора». Если исходить из того, что эти ямы были заполнены действительно мусором, то возникает вопрос относительно логичности размещения таких ям в жилых домах ольвиополитов.

На первый взгляд может быть три версии объяснения этого феномена. Первая версия – строительная необходимость добычи глины для ремонтов стен и полов, поскольку, как известно, в Ольвии лессовые грунты располагаются непосредственно у дневной поверхности архаического времени. Этому, однако, противоречит то, что в большинстве случаев ямы имеют грушевидное или приближающееся к нему вертикальное сечение, что, естественно, затрудняет выемку грунта. Ямы же, расширяющиеся сверху, встречаются редко, не говоря уже о том, что отнюдь не всегда можно уверенно определить, не является ли эта форма результатом среза верхней части ямы при последующих перестройках. Кроме того, известны ямы и в заполнении подвалов. А в этом случае объяснение появления ямы строительной необходимостью и вовсе отпадает.

Вторая версия – использование ям для мусора сразу вызывает вопрос: какой смысл хранить мусор в собственном доме, при том его мизерную часть. Совершенно очевидно, что никаких ям не хватило бы для хранения ежедневных бытовых или ремонтно-строительных отходов, накопленных всего за несколько месяцев, не говоря уже о возникающих при этом санитарных проблемах (как известно,

¹⁷ Исключение представляет только дом НГФ-1, где в помещении «г» «были обнаружены следы деревянного настила – отпечатки балок и досок» (Леви 1985, 60). Не исключено, однако, что это могли быть следы перекрытия над подвалом.

¹⁸ См., например: Крыжицкий 1971, 88, рис. 23; Kryžickij, Lejpunskaja 2010, vol. 2; vol. 1, 66; pl, 24, 1.

в заполнениях ям часто встречаются кости рыб, птиц и животных)¹⁹. Наличие в Ольвии городских свалок за оборонительными стенами²⁰ свидетельствует в пользу того, что эти отходы выносились за пределы городских стен.

Все сказанное относится и к третьей версии – использования ям в ассенизационных целях. Кроме всего сказанного, добавим то, что ямы располагаются в помещениях, размеры которых существенно превышают площадь необходимую для обеспечения «туалетных» функций.

Таким образом, и первая, и вторая, и третья версии не достаточно убедительны, что, однако, не исключает необходимости их дальнейшей проверки.

В связи с этим нам представляется целесообразным попытаться подойти к объяснению причин появления этих ям с другой стороны, исходя из культовой практики греков. То есть наиболее логичным определением назначения подобных ям может быть их трактовка как культовых. В эти ямы сбрасывались накопившиеся за значительный отрезок времени пришедшие в негодность, но дорогие для семьи по тем или иным причинам вещи, в том числе зола от каких-то важных семейных жертвоприношений или трапез, граффити с посвящениями, части конструкций и очагов при внутридомовых перестройках и т.п. Это тем более вероятно, что, как уже отмечалось, подобная традиция «захоронения священного мусора» наблюдается в ботросах ольвийских теменосов²¹. По-видимому, в этом можно усматривать непосредственную связь подобной «официальной» традиции с аналогичной в домашних верованиях и культах, скорее всего, хтонической направленности.

Исходя из сказанного, кажется целесообразным при исследовании таких ям, располагающихся в жилых домах, уделять более пристальное внимание комплексному анализу сопровождающего материала (в частности его состава, стратиграфического распределения и возможной связи с культовыми традициями и жизнью дома) из тех или иных прослоек, в том числе «мусорных», исходя из априорной позиции не случайности попадания артефактов в эти ямы. По нашему мнению, это направление работы по исследованию заполнений ям и подвалов заслуживает внимания, поскольку может дать интересные результаты при детальном сопоставлении материалов из большого числа объектов. Речь идет о поисках причинно-следственных связей, объясняющих появление «случайных» находок.

Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Количественная оценка комплексов находок из землянок, подвалов и ям участка НГС – закрытых и полузакрытых объектов была произведена Н.А. Гаврилюк по предложенной ею методике. Проведенные ею наблюдения на основании анализа полевых списков находок

¹⁹ Аналогичная ситуация с большим количеством ям имела место и на азиатском Боспоре в таких городах со схожими с Ольвией характеристиками грунтов и материка, как Кепы и Фанагория (Кузнецов 2011, 117, 119, 129). Автором высказано предположение, что появление большого количества ям преимущественно римского и позднеантичного времени было обусловлено ухудшением ситуации с городским благоустройством – исчезновением канализации, централизованного вывоза мусора и т.п. (Кузнецов 2011, 130). Но этим нельзя объяснить распространение большого количества ям в Ольвии в слоях до рубежа эр, когда городское благоустройство было развито в достаточной степени. Учитывая сказанное нами выше относительно ограниченных возможностей хранения мусора в ольвийских домах доримского времени, то же самое можно экстраполировать и на первые века нашей эры. Вряд ли количество отходов отдельной жилищно-хозяйственной единицы в рамках одинаковой экономической стратификации могло значительно варьировать между догетским и послегетским периодами.

²⁰ Крыжицкий, Лейпунская 1988, 13–15; Лейпунская 2008, 171–172.

²¹ Русяева, Назарчук 2006, 67 сл.

и определения массовости поступления находок из разных глубин заполнения позволяют выявить динамику засыпи ямы или подвала.

Так, в частности, на графиках, построенных на основании полевых списков массовых материалов из раскопок эллинистических подвалов участка НГС в Ольвии, выявлены пики массовости заполнения и ослабления этого потока. То есть чередования скачкообразного и постепенного нарастания слоя. Конкретно, в хозяйственном подвале № 253 на участке НГС прослеживается три пика массового поступления материалов. Другой пример – при анализе материала из ямы № 125 участка Центральный квартал в районе ольвийской агоры график, отражающий динамику заполнения ямы, показывает значительную медлительность самого начала этого процесса и его взрывообразное завершение. То есть яма длительный отрезок времени почти не заполнялась, а в конце своего функционирования была заполнена лавинообразно (сообщение Н.А. Гаврилюк). Это могло быть связано со временем функционирования в качестве хозяйственной ямы, а затем одномоментном использовании в качестве мусорной.

Предложенная методика позволяет выделить этапы постепенного не резкого заполнения ям (или отдельных помещений), причем в некоторых случаях попытаться попробовать определить временную протяженность этих этапов, хотя бы и относительную. Так, например, явно замедленное нарастание слоя путем мелких подсыпок (прослоек) дает основание предполагать отсутствие одномоментности этого процесса. И наоборот, наличие массивных включений, не имеющих определенной структуры, позволяет предполагать одномоментность их образования. Опять же, при хронологической или типологической дифференциации (например, набор из одной прослойки парадной, а из другой – кухонной посуды) вещей из разных прослоек есть основания предполагать появление этих вещей из одновременных или различных по функции помещений. Отсюда понятна необходимость четкого выявления структуры заполнения – установления, в частности, ее слоевого или хаотичного характера. В целом здесь возникает много вопросов, на которые нет однозначных ответов и анализ которых должен помочь уточнить и развить принципы исследования этого источника – условно закрытых комплексов. Представлялась бы целесообразной более широкая апробация упомянутых методических подходов.

Разумеется, для развития этого направления необходимо существенно более подробный, разносторонний и тщательный учет стратиграфии, количественных и качественных характеристик сопровождающих материалов, который необходимо проводить во время полевых работ. В частности, при проведении выборки заполнения ям и подвалов в жилых домах необходима более точная и тщательная фиксация материалов, слоев и глубин, что обычно не делается. Это поможет получить ответы на вопросы относительно динамики формирования заполнения, его послойной содержательной характеристики, а возможно, и времени функционирования ямы. Скрупулезное выполнение этих работ может помочь интерпретировать эти косвенные признаки, идентифицировать их с теми или иными реалиями жизни ольвиополитов.

Литература

1. Авдусин Д.А. 1972: Полевая археология СССР. М.
2. Гаврилюк Н.А. 2006: Массовый археологический материал в определении функционального назначения помещений (на примере хозяйственных сооружений участка НГС Ольвии) // БЧ VII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоцъ / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 55–62.
3. Гаврилюк Н.О., Котова Н.С., Махортих С.В. и др. 1996: Словник-довідник археології / Н.О. Гаврилюк (ред.). Киев.
4. Каменецкий И.С. 1970: К теории слоя. Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

5. *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* 1975: Анализ археологических источников: возможность формализованного подхода. М.
6. *Карасёв А.Н.* 1964: Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора / В.Ф. Гайдукевич (ред.). М.–Л., 27–130.
7. *Колтаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О. и др.* 1990: Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник / В.С. Бочкарев (ред.). М.
8. *Крапивина В.В.* 1993: Ольвия. Материальная культура 1–4 вв. н.э. Киев.
9. *Крапивина В.В.* 2002: К вопросу о «закрытых комплексах» в археологии // Сучасні проблеми археології / С.Д. Крижицкий (ред.). Киев, 105–107.
10. *Крапивина В.В.* 2002а: Ямы-погребя позднеархаического времени из Ольвии // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы научной конференции (16–22 сентября 2002 г.) / Н.М. Куковальская (ред.). Киев–Судак, 142–145.
11. *Крапивина В.В.* 2011: Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской) // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). М., 71–90.
12. *Крыжицкий С.Д.* 1971: Жилые ансамбли древней Ольвии. IV–II вв. до н.э. Киев.
13. *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* 1989: Сельская округа Ольвии. Киев.
14. *Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* 1988: Комплекс западных ворот Ольвии // Античные древности Северного Причерноморья / В.А. Анохин (ред.). Киев, 10–32.
15. *Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* 2009: Об интерпретации культурных напластований в жилых домах (на примере жилых кварталов эллинистического времени в Ольвии) // БЧ X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 249–253.
16. *Кузнецов В.Д.* 2011: Заметки о культурном слое Фанагории // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников, А.А. Завойкин (ред.). М., 117–130.
17. *Леви Е.И.* 1964: Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951–1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора / В.Ф. Гайдукевич (ред.). М.–Л., 5–26.
18. *Лейпунская Н.А.* 2008: К вопросу об исторической топографии Ольвии // БЧ IX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 170–173.
19. *Марченко К.К.* 1988: Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. По материалам лепной керамики. Л.
20. *Русяева А.С., Назарчук В.И.* 2006: Ботросы // Древнейший теменос Ольвии Понтийской / В.Н. Зинько (ред.). Симферополь, 67–74.
21. *Славін Л.М.* 1962: Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста // АП УРСР. XI, 3–32.
22. *Kryžickij S.D., Lejpunskaja N.A.* 2010: Building Remains and Accompanying Finds, 6th–1st Century BC // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD / N.A. Lejpunskaja, P. Guldager Bilde, J.M. Hojte, V.V. Krapivina, S.D. Kryžickij (eds.). Vol. 1–2. Aarhus, 27–101.

SOME PROBLEMS AND POSSIBILITIES OF THE INTERPRETATION OF CULTURAL LAYERS IN OLBIA

S.D. Kryzhitsky

Using his experience of excavation of residential areas in Olbia, the author considers the problem of developing a more elaborate method of exploring the finds from open and closed archaeological complexes, in particular, the filling of pits and cellars. He introduces the term «conditionally closed complex». He points to the need to analyse not only ceramics, terracotta objects, inscriptions etc, but also the whole of the context, including the layers of ash and rubbish. The author reconsiders the possibility of interpreting «dust-holes» and «storing pits» from the viewpoint of our knowledge of Greek ritual practice, as well as of tracing the dynamics of the filling and the structure of the pit or cellar.

Keywords: Archaeological complex, method in archaeology, Olbia, cellar, pit, interpretation of filling.